
К.Е.
Горожанка

К. Е.

Горожанка

«Автор»
2026

Е. К.

Горожанка / К. Е. — «Автор», 2026

Варя приехала в деревню всего на одно лето. Продать бабушкин дом, забрать деньги и навсегда забыть о Бережках. План казался идеальным, пока на её пути не появился Матвей — невыносимо упрямый парень, который совершенно не собирается ей уступать.А когда находится покупатель, готовый заплатить за дом гораздо больше ожидаемого, Варе предстоит сделать выбор.Одно лето. Одна сделка. И чувства, которых не должно было быть.

© Е. К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Не та остановка 5
Глава 2 12
Чужой ключ 12
Глава 3 19
Фотографии без людей 19
Глава 4 26
Условия показа 26
Глава 5 32
До конца августа 32
Глава 6 39
Пыль на розовом 39
Конец ознакомительного фрагмента. 44

К. Е.
Горожанка

Глава 1

Не та остановка

Когда водитель сказал «Бережки», я поднялась вместе с женщиной, у которой всю дорогу на коленях подпрыгивал пакет с рассадой.

— Вам к магазину? — спросила она.

— К дому.

Женщина посмотрела на мой чемодан, но уточнять не стала. Спустилась первой и приняла снизу пакет. Пока я вытаскивала из-под сиденья соломенную сумку, водитель закрыл багажный отсек.

— Чемодан, — напомнила я.

Водитель глянул в зеркало, потом на мой чемодан, застрявший между сиденьями.

Через минуту автобус уехал, оставив меня возле бетонного павильона. На задней стенке кто-то написал чёрным маркером «Лёха верни косу». Ниже другим почерком было добавлено: «сам забери».

Я поставила чемодан на колёса и открыла карту.

До бабушкиного дома было два километра четыреста метров.

— Простите, — окликнула я женщину с рассадой. — А следующая остановка далеко?

— Центральная? Да вот, у магазина.

Она указала вдоль дороги. За поворотом виднелся зелёный крест аптеки.

— Автобус там останавливается?

— Конечно.

Я посмотрела вслед автобусу. Он как раз показался за деревьями, теперь уже неприлично близко к зелёному кресту.

— Первый раз у нас?

— Нет. Просто давно не была.

— А к кому?

— На Садовую. К Ланским.

Женщина перестала поправлять листья в пакете.

— Валентины Петровны внучка?

Я кивнула.

— Ну надо же. А я тебя и не признала. Большая какая.

Мне было девятнадцать. В последний приезд — шестнадцать. Тогда я считала, что август без работающего после девяти магазина — потерянный август.

— Соболезную, — сказала женщина.

— Спасибо.

— Хорошая она была. Помидоры у неё всегда раньше всех краснели. Мы вот в прошлом году…

Она рассказала про сорт, название которого я сразу забыла. Я слушала, держась за выдвижную ручку чемодана. Металл нагрелся на солнце.

— Дойти-то знаешь как?

— Знаю.

— Через мостик только не ходи. Доску вынули, так и лежит.

Я поблагодарила ещё раз. Она свернула к калитке с жестяным номером, а я написала маме: «Приехала».

Ответ появился сразу.

«Воду открой сначала. Кран под раковиной. И сфотографируй счётчик».

Следом:

«Ключ в маленьком отделении? Проверила?»

Я сунула руку в сумку. Ключ нашёлся под очками, завёрнутыми в платок.

«Да».

«Позвони, как зайдёшь».

Я убрала телефон и потянула чемодан.

Первые сто метров он катился вполне прилично. Потом асфальт кончился. Правое колесо попало в щель между камнями, чемодан развернуло, и он ударил меня по щиколотке.

— Отлично, — сказала я.

Рядом никого не было, поэтому получилось особенно жалко.

Платье я выбрала ещё дома. На дне сумки лежали шорты, футболка и нормальные кеды, но переодеваться на остановке не хотелось. Я собрала розовые воланы в кулак и пошла по краю дороги, где пыль была мельче. Чемодан оставлял за собой две неровные борозды.

В городе я собиралась сделать фотографию у бабушкиной яблони: шляпа, солнечные пятна, дом на заднем плане. Можно было бы сразу использовать для объявления. «Уютный дом в живописном месте». Уютный — это я ещё не проверила, но живописность пока держалась.

На развилке я остановилась передохнуть и увеличила карту. Короткая дорожка шла через ручей. Я вспомнила женщину с рассадой и выбрала обход.

Соня прочитала моё утреннее сообщение только сейчас.

«Ты уже здесь??? Я на смене до шести. Не распаковывайся без меня».

Я сфотографировала чемодан по колено в пыли.

«Он уже распаковывается сам. По частям».

Соня прислала шесть смеющихся лиц и голосовое. Я не стала включать: впереди начался подъём.

У первого дома на Садовой стояла старая белая машина с открытым задним бортом. Из кузова торчали доски. Длинные, светлые, перегораживающие как раз ту полосу утоптанной земли, по которой можно было пройти с чемоданом.

С другой стороны дороги чернела вода в канаве.

Я остановилась у машины.

— Здесь можно проехать?

Из-за досок показалась голова. Парень, примерно моего возраста, придерживал плечом стопку и пытался вытащить из-под неё ремень.

— На чём?

Я посмотрела на чемодан.

Он тоже посмотрел.

— А. Минуту.

Я отошла в тень от забора. Парень освободил ремень, бросил в кузов. Потом взял две доски и понёс к раскрытым воротам. Я проводила его взглядом.

Ворота были наши.

Точнее, бабушкины. Зелёные, с облезшим кругом возле щеколды. На правой створке по-прежнему держалась прибитая криво буква «Л» — всё, что осталось от фамилии, которую дед когда-то вырезал из фанеры.

Пока я разглядывала ворота, парень вернулся.

— Вам куда?

— Сюда.

Он оглянулся во двор.

— К кому?

Вопрос прозвучал так уверенно, что я зачем-то ещё раз проверила номер дома. Четырнадцать. Две белые цифры на синем овале.

— Вообще-то это мой дом.

Парень поставил руки на борт.

— Варя?

Я не сразу ответила.

— А вы?

— Матвей.

Он подождал, будто имени должно было хватить.

На нём была выцветшая серая футболка. К воротнику прилипли опилки, а под локтем тянулась свежая царапина. Я попробовала вспомнить кого-нибудь по имени Матвей. Вспомнила мальчика, который на спор ел зелёную сливу с солью. Тот был белобрысый и намного младше меня.

Этот младше не выглядел.

— Мама вас попросила? — спросила я.

— Нет.

— А кто?

— Вы чемодан откатите. Сейчас уроню.

Он потянул следующую доску. Её дальний конец поехал в мою сторону, и я дёрнула чемодан за собой. Колесо встало поперёк камня. Доска прошла в нескольких сантиметрах от шляпы.

— Можно осторожнее?

— Можно. Если не стоять под доской.

— Я вообще-то попросила дать пройти.

Матвей опустил свой конец на борт.

— Проходите.

Я посмотрела на узкий промежуток между колесом машины и краем канавы.

— Вместе с ним.

— Тогда минуту.

Он сказал это совершенно тем же голосом, что и в первый раз. Я достала телефон, увидела пятно пыли на чехле и убрала обратно.

Из двора вышел второй парень, выше Матвея, в синей рабочей куртке поверх голых рук.

— Ты там корни пустил?

Он заметил меня, потом чемодан.

— О. Туристы.

— Хозяйка, — сказал Матвей.

Второй парень перестал улыбаться.

— Илья. Здрасте.

— Варя.

— Нас сейчас не будет.

— Вас здесь вообще быть не должно, — сказала я и тут же пожалела: Илья-то ничего мне не сделал.

Но он только поднял ладони.

— Это к нему. Я транспорт.

Матвей взял доску за середину.

— Илюх, с того конца.

Через две минуты проход освободился. Я покатила чемодан мимо Матвея, стараясь не задеть платьем колесо машины. На краю юбки уже висел сухой репей.

— Ступеньку слева обходи, — сказал он мне вслед.

Я не обернулась.

Во дворе было прохладнее. Яблоня разрослась так, что ветка почти касалась крыши веранды. Под ней стояла бабушкина скамейка, только теперь без коврика. Из щели между досками торчала трава.

Я оставила чемодан возле ступеней.

На третьей слева действительно не хватало куска. Я переступила через него, поднялась на веранду и приложила ключ к замку. Не попала. Попробовала ещё раз.

Дверь открылась раньше, чем я успела повернуть ключ.

Я вздрогнула и толкнула её ладонью.

В прихожей пахло нагретым деревом и чем-то сладким, несъедобным — так пахло в бабушкином шкафу, где между наволочками лежали брусочки мыла. На гвозде висела клетчатая рубашка. У порога стояли мужские ботинки.

Я не вошла.

— Матвей!

Он появился из-за угла дома с пустыми руками.

— Почему открыто?

— Я воду проверял. Сейчас закрою.

— Не надо закрывать. Я приехала.

Он остановился возле нижней ступеньки.

— Да я заметил.

— Это ваши вещи?

Я указала на рубашку.

— Мои. Заберу.

— Вы здесь живёте?

Сказав это, я наконец рассмотрела прихожую: чистую дорожку, дверь в бабушкину комнату, пустую подставку для зонтов. Никаких новых вещей, кроме рубашки и ботинок, не было.

— Нет.

— Тогда почему ваши вещи у меня в доме?

Он вытер ладонь о край футболки.

— Давайте я сначала разгружу. Илья торопится.

— А я хотела бы сначала понять, что происходит.

За спиной Матвея завёлся двигатель.

— Матюх! — крикнул Илья. — Мне к двум надо!

Матвей коротко посмотрел туда, потом на меня.

— Десять минут. В дом больше не захожу.

Он развернулся и пошёл к воротам.

Я осталась стоять с ключом в руке. В сумке завибрировал телефон.

— Зашла? — спросила мама.

— Здесь какие-то люди.

— В смысле?

— В прямом. Машина, доски. Парень. У него ключ от дома.

— Матвей?

Я села на край деревянного сундука у стены.

— Значит, ты знаешь.

— Он следил там за всем. Я же тебе говорила.

— Ты говорила, что сосед посмотрит, не текла ли крыша.

— Ну вот. Посмотрел.

Я подцепила ногтем край старой наклейки на сундуке. Под ногтем осталась серая полоска.

— Почему у него здесь одежда?

— Варя, я не знаю, почему у него там одежда. Может, переодевается. Он во флигеле работает.

— В каком флигеле?

— В заднем. Где у деда верстак был.

Я посмотрела сквозь веранду. Между яблоневыми ветками виднелось низкое строение с покатой крышей. В детстве там хранились банки, сломанный велосипед и всё, что дед собирался когда-нибудь починить.

— Давно?

— С прошлого года, кажется. Бабушка разрешила.

Мама на секунду отвлеклась, кому-то сказала: «На почту отправьте, пожалуйста» — и вернулась ко мне.

— Ты воду открыла?

— Мам.

— Что?

— Мы дом продаём. Там не должно быть чужой мастерской.

— Ну договоришься. Он нормальный мальчик.

Со двора донёсся удар доски о доску.

— Хорошо бы этот нормальный мальчик сначала объяснил, почему пользуется нашим домом.

— Он нам очень помог зимой. Не начинай с порога ругаться.

— Я не ругаюсь.

— По голосу слышу.

Я выпрямилась, хотя мама не могла меня видеть.

— Я перезвоню.

— Варя, и счётчик…

— Сфотографирую.

Я нажала отбой, положила телефон экраном вниз. На стене над сундуком остался светлый прямоугольник. Раньше там висел календарь с крупными цифрами. Мама сняла его после похорон, когда приезжала собирать документы, а гвоздь оставила.

Из окна бабушкиной комнаты падал на пол узкий солнечный прямоугольник. Дверь была приоткрыта. Я встала и потянула её за ручку, но петли заскрипели, и я отпустила.

Сначала вода. Потом чемодан. Потом можно заняться остальным.

Под раковиной нашлось два крана. Я сфотографировала оба и отправила маме. Пока ждала, сняла шляпу. На лбу осталась влажная полоса от внутренней ленты.

«Синий».

Синий повернулся с трудом. В трубе загудело, смеситель кашлянул и выдал тонкую коричневатую струю. Я подождала, пока она стала прозрачной, подставила руки.

За окном Илья с кем-то прощался. Хлопнула дверца, машина отъехала.

Я нашла в шкафчике чистый стакан. Пить из него хотелось меньше, чем из собственной бутылки, поэтому я только ополоснула его и оставила на сушилке.

На холодильнике по-прежнему держался магнит из Анапы, который я привезла бабушке в двенадцать лет. Под ним был зажат клочок бумаги с телефонным номером. Цифры написаны толстым синим стержнем, восьмёрка продавила бумагу.

Я провела по ней большим пальцем, затем открыла холодильник.

Пусто. На нижней полке лежала новая пачка соды.

Зато электричество работало.

Я достала бутылку и выпила воду стоя, длинными глотками. Снаружи кто-то два раза постучал по дверному косяку.

Матвей остался на веранде.

— Можно рубашку забрать?

Я вышла в прихожую, сняла её с гвоздя и подала ему. Он поймал за воротник. Ботинки я трогать не стала.

— Они чистые, — сказал он, проследив за моим взглядом. — Рабочие снаружи оставляю.

— Возьмите, пожалуйста, и их.

Он наклонился, поднял ботинки за задники.

Теперь у него были заняты обе руки, и требовать ключ стало неудобно. Я всё равно потребовала.

— Ещё ключ.

Матвей посмотрел на меня внимательнее.

— От дома?

— Да.

Он поставил ботинки на пол веранды, переложил рубашку через локоть и достал связку. На ней было четыре ключа и маленькая металлическая линейка. Один ключ он снял, помогая себе ногтем.

— От мастерской у вас есть? — спросил он.

— Не знаю. Наверное.

Он протянул мне ключ.

— Это от входной. В задней двери замок другой.

— А от задней у вас тоже есть?

— Нет. Из кухни засов.

Я взяла ключ и сразу положила в карман сумки, чтобы не держать перед ним как трофей.

— Мне нужно будет всё посмотреть, — сказала я. — И мастерскую тоже.

— Посмотрите.

— Сегодня.

— Я до семи здесь.

— Отлично.

Он подхватил ботинки и спустился. На нижней ступеньке остановился.

— Чемодан занести?

— Я сама.

Матвей кивнул и пошёл через двор.

Я дождалась, пока он скроется за яблоней, и вернулась к чемодану. Выдвижная ручка сложилась с сухим щелчком. Пришлось брать его за боковую и затаскивать на крыльцо по одной ступеньке.

На третьей пришлось перехватить.

Из-за угла дома снова показался Матвей.

Он ничего не сказал. Я тоже. Мы посмотрели на чемодан, застрявший между моей ногой и перилами.

— Снизу возьмёшь? — спросила я.

Матвей поставил ботинки на дорожку.

Занесли мы его за несколько секунд.

— Спасибо, — сказала я.

— Угу.

Когда он ушёл, я закрыла дверь. Не на ключ — просто плотно, до щелчка.

В дальней комнате стояла моя старая кровать. Мама постелила на неё чистое бельё: пододеяльник был застёгнут не на те пуговицы, как всегда, когда она спешила. На стуле лежали два полотенца.

Я открыла чемодан, вытащила футболку. Под ней обнаружился пакет с документами для университета. Я проверила уголки, хотя повредить их за дорогу было почти невозможно: папка лежала между двумя свитерами.

В письме из приёмной комиссии отдельно выделили срок подтверждения места в общежитии. Мест было мало. Мама говорила, что рассчитывать надо на комнату в съёмной квартире, а это совсем другие деньги.

Я положила папку на стол, рядом с пустым стаканчиком для ручек.

Две недели, чтобы разобрать вещи, отмыть окна и сделать нормальные фотографии. Потом просмотры. Леониду, чей номер дала мамина знакомая, можно написать вечером.

Я переоделась, бережно сняла с платья репей и повесила его на плечики. На розовой ткани осталась крошечная зацепка. Если не знать, не заметишь.

В телефон пришло Сонино сообщение:

«Только Матвея не выгоняй сразу, он тебе пригодится».

Я набрала: «Почему все знают про Матвея, кроме меня?» — и не отправила.

Из открытого окна донёсся гул. Ровный, высокий. Он на секунду стих, потом начался снова.

Я подошла к окну.

Матвей распахнул двойные двери дедовой мастерской. Внутри горели длинные лампы. На стеллаже стояли банки, над верстаком висели инструменты, у стены были сложены стулья без сидений. Доски, которые они привезли, лежали на высоких подпорках.

Он провёл ладонью по краю одной из них, наклонился что-то проверить. Потом поднял голову и увидел меня.

— Сейчас шуметь буду, — сказал он. — Окно лучше закрой.

Я посмотрела на часы. Половина четвёртого.

— Долго?

— Часа два.

У него за спиной, возле двери, висел настенный календарь. Не бабушкин — новый, с фотографией леса. Несколько дат были обведены красным.

Я прикрыла окно, оставив щель, взяла телефон и всё-таки отправила Соне свой вопрос.

Потом вышла из комнаты и направилась к задней двери.

Глава 2

Чужой ключ

Засов на задней двери не двигался. Я потянула за кольцо, упёрлась ладонью в косяк и попробовала ещё раз. Снаружи гудел станок. Если бы Матвей сейчас посмотрел на кухонное окно, то увидел бы, как я борюсь с дверью в собственном доме.

Я отпустила кольцо и пошла через веранду.

В мастерской он стоял спиной ко входу. Надевал наушники — большие, чёрные, с облезшей дужкой. Я остановилась у порога, дожидаясь, пока он обернётся. Не обернулся.

— Матвей!

Он поднял голову, выключил станок. Подождал, пока затихнет вращение, и только тогда снял наушники.

— Что-то случилось?

— Нам нужно поговорить.

— Я же сказал, до семи.

— Мне не нужен доступ в помещение. Мне нужно понять, на каких условиях ты здесь работаешь.

Он положил наушники на верстак и потянулся к табурету, на котором лежали бумаги. Сдвинул в сторону пакет с винтами.

— Проходи. Только за красную ленту не становись.

На полу возле станка действительно была наклеена красная полоса. Конец загнулся, к липкому краю пристала стружка.

Я переступила порог. Матвей отодвинул от дверей стул без сиденья, освобождая место, и открыл пластиковую папку.

Дедова мастерская оказалась меньше, чем я помнила. Или в детстве здесь было меньше вещей. Теперь у одной стены стояли зажатые струбцинами деревянные рамы, у другой — комод без ящиков. На верстаке лежала тонкая резная деталь, похожая на отломанный лист. Всё это пахло совсем не так, как дом: свежим деревом и острым клеем.

— Вот.

Он протянул мне два листа, скреплённых в углу.

Сверху было напечатано: «Договор аренды нежилого помещения».

Я прочитала первую строку, потом последнюю. Подпись бабушки знала хорошо — крупная буква «Л», остальные поменьше, плотной волной. Такой же подписью она расписывалась за посылки и в моём дневнике, когда я однажды попросила её никому не говорить о двойке.

— Можно сфотографировать?

— Да.

Я положила листы на свободный край верстака. Матвей убрал с него карандаш и перевёрнутую кружку.

— Только адрес не выкладывай никуда.

— Я маме отправлю.

Он больше ничего не сказал.

Я сняла каждую страницу, проверила резкость. В приложении был нарисован план участка, мастерская обведена прямоугольником. Из-за края стола в кадр попал носок моего кеда. Пришлось переснять.

Срок — до тридцать первого августа.

Я перечитала дату.

— Ты знал, что мы собираемся продавать?

— Твоя мама говорила. Весной.

— И?

— Я сказал, что начну искать место.

— Нашёл?

Матвей забрал кружку с верстака и поставил на подоконник.

— Пока нет.

— А когда планируешь?

— Найти? Как найду.

Я нажала на телефоне кнопку блокировки.

— Это не ответ.

— Другого нет.

Он стоял напротив, и мы оба уже смотрели друг на друга дольше, чем следовало для разговора о сроках аренды.

Я перевела взгляд на договор. Сумма была небольшая, но не символическая. Ниже отдельно упоминались электричество и оплата по показаниям счётчика.

— Ты после бабушки… продолжал платить?

— Да.

Он взял со стола телефон, открыл приложение. На экране появились переводы. Несколько одинаковых сумм подряд, с назначением платежа.

— На тот же счёт?

— Твоя мама номер дала. В марте.

Я открыла наш с мамой чат. Под фотографиями появилась отметка о прочтении.

«До конца августа???» — написала я.

Три точки мигали долго, потом исчезли.

Я вернула Матвею бумаги.

— Мне говорили, ты просто присматриваешь.

— Я ещё и присматривал.

Он сложил листы ровно, постучал нижним краем по столу. Мне хотелось, чтобы он перестал заниматься этой папкой и наконец сказал что-нибудь, с чем можно спорить.

— В доме всё отключали на зиму. Ключ твоя мама оставила, когда приезжала. Проверить трубы, окна.

— А рубашка?

— Кран потёк. Пока менял, облился. Повесил высохнуть.

Я вспомнила сухую клетчатую ткань. Рубашка висела там давно.

— Можно было забрать.

— Можно, — согласился он.

В телефоне наконец появилось мамино сообщение:

«Я думала, вы решите. Он говорил, что будет искать».

Следом:

«Сейчас на совещание. Вечером созвонимся».

Я убрала телефон в задний карман.

— Ладно. Давай пока разберёмся с остальным. Ключ от дома у меня. Если понадобится зайти — спрашивай.

— Хорошо.

— И электричество.

Матвей указал на серую коробку возле двери. Под прозрачной крышкой был маленький счётчик.

— Отдельный. Сейчас сфотографируем.

Он принёс из угла низкую стремянку и поставил под коробкой. Я поднялась на вторую ступеньку, сняла цифры. На стене рядом со счётчиком сохранилась дедова надпись: «Не включать». Стрелка указывала на пустое место, где раньше висел рубильник.

— Осторожно, назад не…

Я уже спускалась и задела пяткой ведро.

Матвей успел подхватить его за дужку. Внутри что-то тяжело перекатилось.

— Не разлилось? — спросила я.

Он показал ведро. Там лежали обрезки дерева.

— Только расплескал.

Я придержала стремянку, пока он убирал её на место.

В глубине двора хлопнула калитка.

— Матвей! Ты дома?

В дверях появилась женщина в джинсах и резиновых тапочках. Под мышкой она держала узкую деревянную дверцу со стеклом, треснувшим наискось.

— Здравствуйте, — сказала она мне и сразу повернулась к нему. — Ты говорил, занести.

— На завтра же.

— А я мимо шла. Куда поставить?

Он принял дверцу, осмотрел петли.

Женщина смотрела на меня с открытым любопытством.

— А ты Вариночка?

Я кивнула.

— Я тебя на фотографии видела. Ты там в шляпе была.

Мне понадобилась секунда, чтобы вспомнить мамин прошлогодний пост с моим днём рождения.

— Я тётя Нина. Через два дома живу. Ты маленькая ко мне за крыжовником лазила.

— Здравствуйте.

— Мама-то с тобой?

— Нет.

— Надолго приехала?

— Пока недели на две.

Матвей прислонил дверцу к стене так, чтобы стекло оказалось с внутренней стороны.

— Нина Алексеевна, я позвоню, когда сделаю. За петлю тоже возьмусь, она погнута.

— Ты только не выбрасывай. Такую же не найду.

— Не буду.

Она ещё раз посмотрела на меня, поправила край футболки и ушла.

Я проводила её до калитки взглядом.

— Что? — спросил Матвей.

— Она всегда так заходит?

— Как?

— Не звонит. Просто приходит.

— Я ей сам сказал принести.

— Но на завтра.

— Закрыть калитку?

— Мне нужно знать, кто у меня во дворе.

Матвей кивнул.

— Буду встречать с улицы. И напишу клиентам, чтобы звонили, прежде чем ехать.

Это прозвучало так разумно, что приготовленная следующая фраза уже не понадобилась.

Он достал телефон.

— Номер дай.

Я продиктовала. Он набрал и сбросил звонок, как только мой телефон завибрировал.

— Если кто-то придёт, а меня нет, не принимай ничего. Пусть мне звонят.

Я сохранила его как «Матвей мастерская».

Сверху всплыло уведомление от Сони: «Потому что ты три года сюда носа не показывала».

Я быстро смахнула его. Матвей смотрел на свой экран.

— Сколько у тебя заказов? — спросила я.

— Которые здесь?

— Которые нужно закончить до переезда.

Он обвёл взглядом помещение.

— Комод. Четыре стула. Стол ещё привезут. Кресло вон разобранное. И мелочь.

— Это всё до августа?

— Это всё до июля.

— Тогда почему…

Я замолчала. Матвей подождал.

— Почему нельзя уехать в июле? — закончил он.

Я пожала плечами.

Он подошёл к станку. Положил ладонь на металлический край.

— Его нужно подключить. Там, где поставлю. Обычной розетки не хватит. И сухое помещение нужно. И чтобы можно было подъехать, когда что-то привезут. Я не могу просто сложить это в гараж к Илье.

— Я не предлагала гараж.

— Пока нет.

Я скрестила руки, почувствовала под локтем шершавое пятно от перил и опустила их.

— Я хотела узнать, сколько времени тебе нужно. Чтобы понимать, что говорить покупателям.

— Покупатели уже есть?

— Есть человек, который интересуется.

— Домом или участком?

— Какая разница?

Матвей посмотрел на дверной проём, потом обратно на меня.

— Ладно. Звони ему.

— Мне не нужно разрешение.

— Я не разрешаю. Я говорю: спроси, когда ему нужно заезжать. Потом обсудим.

Он взял наушники, но надевать не стал.

Я постояла ещё секунду, проверяя, не осталось ли чего-нибудь важного. Важного осталось много, только для следующего вопроса нужно было снова начинать разговор.

— За задней дверью засов заело, — сказала я.

— Дверь сначала на себя потяни.

— Она наружу открывается.

— А ты сначала на себя. Потом засов.

Я кивнула и вышла.

Из кухни открыть получилось с первого раза. Я прижала плечом дверь, сдвинула кольцо, потом толкнула. Во двор выкатился сухой прошлогодний лист.

На крыльце лежал новый коврик из жёсткого серого пластика. У стены стоял эмалированный таз, в котором бабушка замачивала бельё. Теперь в нём была горсть ржавых гвоздей и старая дверная ручка.

Я перенесла таз подальше от ступеней.

На кухонном столе разложила документы. Свидетельство о наследстве, выписку, мамины записи с телефонами. На листе в клетку она подчеркнула: «Не оставлять оригиналы».

Я нашла номер Леонида и открыла переписку. Последнее сообщение было от него: «Будете на месте — наберите. Посмотрим».

Палец уже лежал на кнопке вызова, когда в мастерской снова включили станок.

Я взяла телефон и ушла в дальнюю комнату.

Леонид ответил после четвёртого гудка.

— Да, Варвара. Добрались?

— Да. Сегодня. Могу прислать фотографии.

— Лучше сам подъеду. Вы там ночуете?

— Да.

— Тогда в четверг. Часов в одиннадцать удобно?

Я открыла календарь. Четверг был послезавтра. На эту неделю у меня стояло одно событие — «Соня??». Я сама добавила его утром в автобусе.

— Удобно.

— Документы на землю у вас с собой?

— Да.

— Хорошо. И по строениям что есть, подготовьте. Основной дом, пристройка… Там ещё сарай?

— Мастерская, — сказала я. — Отдельная.

— Угу. Посмотрим.

— Она сейчас используется.

В трубке что-то зашуршало.

— В каком смысле?

— Там человек работает. Арендует помещение.

— Договор есть?

— Да.

— Понятно. Его тоже приготовьте. Тогда до четверга.

Он отключился прежде, чем я успела уточнить, меняет ли это что-нибудь.

Я записала время на мамином листе. Получилось слишком крупно, пришлось перенести остальные телефоны на оборот.

В дверь позвонили.

Звонок сработал не сразу: сначала щёлкнул, потом выдал короткий дребезжащий звук. Я даже не знала, что он ещё подключён.

За калиткой стояла тётя Нина. В руке у неё был белый пакет.

— Звоню, — сообщила она.

— Я слышала.

— Матвей написал, что теперь так. Я тебе яиц принесла. Мама говорила, приедешь, а у меня свои.

Я открыла калитку.

— Спасибо. Сколько я должна?

— Нисколько. Там десять. Проверяй, я одно в кармане несла, чуть не села на него.

Она передала пакет. Внутри лежала картонная коробка, перевязанная резинкой.

— Холодильник включён?

— Да.

— Ну и хорошо. Забор на ночь прикрывай, собака у Плетнёвых бегает. Она не кусается, но всё растаскивает.

Я снова поблагодарила. Тётя Нина подождала, не скажу ли я чего-нибудь ещё, затем пошла домой.

До кухни я несла пакет обеими руками.

В холодильнике коробка заняла почти всю пустую полку. Я закрыла дверцу, открыла снова и проверила срок на пачке соды, хотя сода мне пока не требовалась.

Потом достала сковороду.

Первая оказалась слишком большой для маленькой конфорки, вторая — с шатающейся ручкой. Я выбрала большую, вымыла. Масла в доме не было. В сумке нашёлся только батончик, который я берегла на обратную дорогу.

Я съела его над раковиной, вытряхнула крошки с ладони и написала Соне: «Где здесь купить масло?»

Ответ пришёл сразу: «У меня, Варвара».

Я посмотрела на время. До шести было больше часа.

«Сейчас приду».

Пока искала кошелёк, позвонила мама. На этот раз я ответила не сразу.

— Ну что там? — спросила она. — Договорились?

— Я видела договор. До тридцать первого августа.

— Ты мне уже написала.

— А ты мне не написала. Когда я билеты покупала.

Мама выдохнула в трубку.

— Варя, я после работы сюда ездила, бумаги собирала, счета закрывала. Могла забыть.

Я села на стул. На столе лежали её записи, три раза исправлен номер кадастрового инженера. Последние четыре цифры она обвела.

— Ты ему каждый месяц деньги получать не забывала.

— Они сами приходят. На телефон. Что ты хочешь сейчас от меня услышать?

Я потёрла лоб.

— Что ещё я не знаю?

— В каком смысле?

— Про дом. Про людей, у которых ключи. Про долги. Что угодно.

На этот раз мама ответила не сразу.

— Долгов нет. Я всё оплатила. От дома ключи были у меня, у тебя и у Матвея. У соседей нет. Он там присматривал, я тебе сказала.

— Он мне свой отдал.

— Зачем ты забрала? Вдруг что-то случится, а тебя не будет?

— Тогда я оставлю человеку, с которым договорюсь сама.

На улице стих станок. Стало слышно, как под подоконником жужжит муха.

— Хорошо, — сказала мама. — Решай сама.

Последние два слова она произнесла с нажимом.

Я перевернула её листок.

— Леонид в четверг приедет. В одиннадцать.

— Вот и хорошо. Послушай сначала, что предложит. Ничего сразу не обещай.

— Я знаю.

— Ты поела?

— Сейчас иду в магазин.

— Купи нормально продуктов. Не одни йогурты.

Мы попрощались. Я положила документы в папку, папку — в верхний ящик письменного стола. Проверила, что закрыла окно, и вышла.

Матвей работал с дверцей тёти Нины. Она лежала на верстаке поверх старого одеяла. Рядом стояла маленькая миска с винтами.

Я остановилась так, чтобы он меня видел.

— В четверг будет просмотр. В одиннадцать. Нужно будет открыть мастерскую.

Он положил отвёртку.
— Я здесь буду.
— И сегодня шуметь до скольких собираешься?
— Всё. Закончил.
— Хорошо.
Он посмотрел на сумку у меня на плече.
— В магазин?
Я кивнула.
— У Сони терминал не работает. Наличные возьми.
Я открыла кошелёк. Две сотни и транспортная карта.
Матвей подождал, пока я пересчитаю ещё раз.
— До банкомата далеко? — спросила я.
— У администрации. Но там вчера деньги кончились.
Я закрыла кошелёк.
— Перевод у неё проходит, — добавил он. — Только спроси сначала, на какой номер.
— Ты не мог сразу сказать?
— Мог.
Я посмотрела на него. Он вернулся к петле, но уголок рта у него дёрнулся.
Я вышла за калитку и достала телефон.
«На какой номер тебе перевести?»
Соня ответила: «Ты сначала выбери, что покупать».

Глава 3

Фотографии без людей

Соня стояла за прилавком и взвешивала гвозди.

Я увидела её через стеклянную дверь: волосы стянуты крабом, на носу очки, на шее висит шнурок от ключей. Она по одному перекладывала гвозди в бумажный кулёк, пока мужчина в камуфляжных штанах следил за цифрами на весах.

На двери было написано «Продукты». Под вывеской на скотче держался лист: «Есть сетка от комаров».

Я вошла. Звенящий колокольчик ударился о стекло.

Соня посмотрела на меня поверх очков и подняла указательный палец: подожди. Я остановилась возле морозильника.

— Двести граммов, — сказал мужчина.

— Двести двенадцать. Убрать?

— Да ладно. Ещё батарейки.

— Какие?

Он достал из кармана пульт и положил на прилавок.

Я выбрала масло, батон, сыр и два помидора. Подумала и вернулась за макаронами. В корзинке не было одной ручки, и нести её приходилось прижав к животу.

Пока мужчина проверял батарейки прямо у кассы, я разглядывала Соню. В детстве она без конца теряла резинки и подвязывала волосы чем попало, один раз — завязкой от хлебного пакета. Теперь прядь у виска держалась на аккуратной заколке. На левом ухе появилось ещё две маленькие серьги.

— Работает, — сообщил мужчина, направив пульт на холодильник.

— Вижу, — сказала Соня.

Он забрал покупки и вышел. Она проводила его взглядом, обошла прилавок и обняла меня с размаху. Корзинка больно вжалась в рёбра.

— Поставь, дурочка.

Я поставила. Мы обнялись ещё раз, уже нормально.

От неё пахло ванилью и средством для рук.

— Ты подстриглась, — сказала я.

— В феврале. Ты мне ещё огоньки присылала.

— Точно.

Она отступила, взяла мою корзинку.

— Два помидора? На две недели?

— Это на сегодня.

— Тогда ладно. Пакет?

Я показала сумку.

— Ой, забыла. Ты теперь красивая.

— А раньше?

— Раньше у тебя в рюкзаке жила мокрая футболка. Неделю.

Я засмеялась, и Соня тоже. Она пробила сыр, взяла помидоры.

— Я к тебе собиралась после смены, но Ольга Петровна попросила ещё час посидеть. Ей к зубному. До семи сможешь без меня?

— Конечно. Я бы помогла тебе здесь, но…

— Не надо. Ты два раза сдачу выдашь — я без зарплаты останусь.

Она развернула ко мне бумажку с номером для перевода. Под номером шариковой ручкой было подписано: «Банк уточняйте!»

— На маму. Это её счёт, не перепутай.

Я перевела деньги и показала экран.

— Я принесу пирог, — сказала Соня. — Только он вчерашний. Сегодня не успела.

— Ты печёшь?

Она на секунду задержала руку над кассой.

— Да. Ты мне ещё писала «красота».

Я вспомнила фотографию торта. Белые бока, сверху ягоды. Я смотрела её в автобусе по дороге на пары и действительно написала «красота», а потом забыла спросить, для кого он.

— Я думала, ты заказала.

Соня убрала бумажку под стекло.

— Я подписала, что сама.

Дверной колокольчик звякнул снова. В магазин вошли две женщины, одна сразу направилась к хлебу, другая спросила про корм для кошек.

— До вечера, — сказала я.

— Ага. Ты адрес-то не присылай.

На улице я достала телефон. В Сониной странице было много тортов. Я пролистнула вниз, узнала несколько фотографий, поставила телефон на блокировку и пошла домой с батоном, торчащим из сумки.

Матвея во дворе уже не было. Двери мастерской были закрыты, возле них стояли его рабочие ботинки носами к стене. Я вошла в дом, открыла с кухни заднюю дверь и оставила её распахнутой, пока готовила.

Яичница прилипла к сковороде. Масла оказалось мало, а огонь я включила сильнее, чем нужно. Нижнюю сторону пришлось отскребать лопаткой. Я переложила всё на тарелку, съела стоя у стола и отрезала ещё хлеба.

Потом вымыла окно над раковиной.

Я собиралась только протереть пятно напротив глаз, но на стекле осталась светлая дорожка, и пришлось домыть целиком. Газеты нашлись на верхней полке. В одной было расписание телепередач за позапрошлую зиму. Я оторвала кусок, смяла и дотёрла угол.

Через чистое стекло двор выглядел чуть резче. На яблоневой ветке висела старая верёвка от качелей. У забора цвели белые цветы, названия которых я не помнила.

Я вытерла руки и взяла телефон.

Первый снимок получился слишком тёмным. На втором окно стало белым прямоугольником, зато были видны раковина и край шкафа. Я подвинула табурет, наклонилась, выключила верхний свет.

На третьем снимке кухня выглядела просторной.

Я оставила его.

До Сониного прихода успела снять веранду, две комнаты и дом с трёх сторон. У крыльца постоянно попадал в кадр таз с гвоздями. Я перетащила его под яблоню. Скамейку развернула так, чтобы не было видно треснувшей доски.

На общем плане мешала мастерская. Её крыша спускалась низко, двери занимали почти всю стену, а вокруг белели опилки. Я прошла вдоль забора, подняла телефон выше.

Получилось: яблоня, дом, край газона. Мастерская скрылась за ветками.

Я отправила маме шесть фотографий.

«Как тебе?»

Она ответила: «Красиво. В комнате ковер сними со стены».

Я увеличила снимок комнаты. Ковёр действительно выглядел огромным. Рядом с ним кровать казалась детской.

Соня позвонила в калитку без четверти восемь. Под мышкой у неё был контейнер, в руке — бутылка лимонада.

— Ольга Петровна вернулась с заморозкой, — сказала она вместо приветствия. — Стояла и рассказывала, как ей сверлили. Полчаса. Через одну половину рта.

Я забрала контейнер.

— Заходи.

Соня поставила обувь у ступеней, хотя я сказала, что можно не снимать. Прошла в кухню, на ходу собирая волосы повыше.

— Ты что, окно помыла?

— У меня есть таланты.

— Вторую створку не открывай. Она снизу не держится.

Я посмотрела на окно.

— Как это?

Соня подошла и показала на нижнюю петлю. Из дерева торчал винт. Под ним шла длинная тёмная трещина.

— Ещё осенью так было. Матвей хотел посмотреть, но баба Валя сказала, до весны не трогать.

— Я сегодня открывала.

— Ну и не открывай больше.

Она поправила ручку, убедилась, что створка прижата, и вернулась к столу.

Я взяла блокнот из сумки и записала: «Окно, кухня».

— Что ещё?

— В смысле?

— Что ещё сломано?

Соня налила лимонад в два стакана.

— Ступенька.

— Знаю.

— У тебя в дальней комнате розетка из стены вылезает. Туда ничего не включай. Сзади водосток не держится. После сильного дождя под дверь натекает.

Я записала. Она перестала перечислять и посмотрела на блокнот.

— Ты точно на две недели?

— Я не сама это ломала.

— Я и не говорю, что ты.

Я провела под списком черту, закрыла блокнот. Соня открыла контейнер. Пирог был нарезан на неровные квадраты, к ягодной начинке прилипла полоска пергамента.

— С вишней. Косточки вроде все вытащила.

Я взяла кусок. Кислая ягода обожгла язык холодным соком.

— Вкусно.

— Угу.

— Сонь. Правда вкусно.

Она наконец улыбнулась.

Мы сели у окна. Я спросила про магазин, она рассказала про Ольгу Петровну и про напарницу, которая всякий раз уходила курить за минуту до разгрузки. Потом оказалось, что парень с пультом раньше был учителем физкультуры в соседней школе. Мне стало неловко за своё раздражение, хотя раздражение никуда не делось.

— А ты как? — спросила Соня.

— Перевелась.

— Куда?

Я рассказала про программу, общежитие и документы. Название направления она попросила повторить.

— То есть фотографии?

— Не только. Оформление, шрифты, реклама. Всякое.

— Поняла. Тебе подходит.

Мне захотелось спросить, почему, но я только отпила лимонада.

Соня потянулась за новым куском.

— Мамка смирилась?

— У неё пока пауза между возражениями.

— И дом поэтому?

Я кивнула.

Она жевала, глядя в окно. На её очках отражались две светлые полосы.

— Жалко, — сказала она.

— Я не смогу жить сразу в двух местах.

— Я просто сказала, жалко.

Я отодвинула стакан. Он оставил мокрый круг.

— Покажу тебе фотографии? Для объявления.

Она подвинулась ближе. Я открыла галерею, начала листать.

— Вот этот нравится. Только ковёр нужно убрать.

— Ты печку сняла?

— А надо?

— Люди спросят. Чем греть. И санузел.

Я пролистнула дальше.

— Там тесно, нормально не получается.

Соня взяла у меня телефон, увеличила фотографию двора.

— Красиво. Только участок по ней не поймёшь.

— Я потом ещё с другой стороны.

— А где мастерская?

— За деревом.

— Ага. Хитро.

Я забрала телефон.

— Она никуда не денется. На просмотре увидят.

— Я не про то. У нас соседка так машину продавала. Сфотографировала с трёх сторон, а четвёртая битая. Мужик издалека приехал. Потом они на всю улицу разговаривали.

— У меня дом не битый.

Соня посмотрела на закрытый блокнот.

Я выпрямилась.

— Я не собираюсь никого обманывать.

— Ну так и сними всё. Ты же умеешь.

За окном хлопнула калитка. Мы обе повернулись.

Матвей прошёл к мастерской с узким бумажным пакетом. Увидел нас, поднял руку. Соня помахала ему пирогом.

— Есть будешь?

Он покачал головой и показал на пакет.

— Уже купил.

Я посмотрела на Соню.

— Ты его давно знаешь?

— Ну… всегда. Мы же в одной школе.

— Он местный?

— С того конца. За фермой.

Матвей открыл мастерскую, взял что-то со стола. Его лицо на секунду оказалось в полосе света. Я отвела взгляд к контейнеру.

— Он с мамой говорил весной. Про аренду. Ты знала?

— Что они говорили? Нет.

— А что дом продаётся?

— Твоя мама моей сказала.

Я откинулась на спинку стула. Дерево коротко скрипнуло.

— Удивительно, что вы мне цену ещё не назначили.

Соня перестала улыбаться.

Я взяла со стола нож и подвинула к ней, хотя нож ей не требовался.

— Извини. Я сегодня немного…

— Я заметила.

Соня отломила кусочек теста. Крошки посыпались на колени; она смахнула их ладонью.

— Я думала, ты приехала, увидимся нормально, — сказала она. — А ты всё про дом.

— Я для этого и приехала.

Соня кивнула.

Мне стало жарко. Я потянулась открыть окно и вовремя остановила руку.

— Можно же и увидеться, — добавила я.

— Можно.

Она закрутила крышку лимонада.

Я посмотрела на её руки: короткие ногти, на указательном пальце маленький пластырь. Я не знала, давно ли она носит очки. Не знала, работает ли каждый день. Даже про торты знала меньше, чем про половину людей, на которых подписана.

— Ты на завтра как? — спросила я.

— Выходная.

— Давай с утра вместе. Мне нужно пару кадров доснять, а потом можем к речке. Или куда ты хочешь.

Соня подняла глаза.

— Я с утра хотела торт закончить. К одиннадцати отнести.

— Тогда после.

— Можно.

Я ждала. Она застегнула сумку, потом добавила:

— Только помогать с уборкой я не буду. Я свою ещё не делала.

— Договорились.

Проводив её, я вернулась на кухню. Остатки пирога переложила в тарелку, контейнер вымыла и поставила у сумки, чтобы не забыть вернуть.

Матвей всё ещё был во дворе. Сидел на нижней ступеньке мастерской и ел что-то из бумажного пакета. Я вышла с телефоном.

— Мне нужно с этой стороны сфотографировать. Ты ненадолго?

Он посмотрел на меня, потом на пакет.

— Минут на пять.

— Я подожду.

Он перестал жевать.

— Я в кадр не подхожу?

— Это для продажи.

Матвей поднялся, забрал пакет и отошёл к забору.

— Снимай.

Я навела телефон. Вечерний свет ложился сбоку, подчёркивал неровности штукатурки. Под дверью белела полоска голого дерева. Я сделала снимок. Второй, чуть шире. На третьем в край кадра попал Матвей — одно плечо и рука с пакетом.

Я опустила телефон.

— Спасибо.

Он вернулся на ступеньку.

Я хотела уйти, но вспомнила блокнот.

— Кухонное окно можешь посмотреть? Не сейчас. На днях. Я заплачу.

— Что с ним?

— Петля. Соня показала.

— Завтра посмотрю.

— И розетка в дальней комнате.

Матвей отложил пакет.

— Розетку электрик должен смотреть. Сергея номер дать?

— Дай, пожалуйста.

Он переслал мне номер электрика.

— Скажи, что от меня. Он вечером после работы может.

Я сохранила номер.

— Спасибо.

Матвей кивнул. Я уже поднялась на заднее крыльцо, когда он окликнул:

— Ты с другой стороны тоже сними. Там отмостка отошла.

Я повернулась.

— Где?

Он показал вдоль стены.

— За углом. Около трубы. Ногой только не наступай на край.

Я спустилась и пошла смотреть.

Между бетоном и стеной тянулась щель, в ней росла тонкая трава. Я присела, сняла крупно, потом отступила, чтобы было понятно, где это. В общий альбом фотографию не добавила. Создала новый и назвала «Проверить».

Туда же отправила кухонную петлю и розетку, сделав снимок издалека. Затем включила свет в санузле, втиснулась спиной к косяку и сфотографировала всё, что помещалось. На снимке отражалась моя рука.

Я оставила её.

Ночью в доме что-то щёлкало. Я лежала на узкой кровати и прислушивалась. Несколько раз вставала проверить, закрыта ли дверь. В конце концов нашла источник: оконная ручка задевала деревянную раму, когда с улицы тянуло ветром. Я подложила под неё сложенный чек. Одеяло сбилось в пододеяльнике, пришлось встать и расправить.

В телефоне мама написала: «Фотографии хорошие. Леониду послала?»

Я отобрала восемь снимков. Дом, обе комнаты, кухня, двор, санузел, мастерская. Подписала: «У мастерской отдельный счётчик. По дому есть мелкий ремонт, покажу на месте».

Посмотрела на слово «мелкий» и стёрла его.

Отправила.

В ответ пришло короткое: «Принял. До четверга».

Я открыла Сонину страницу снова, нашла белый торт с ягодами. Под фотографией стояло: «Первый заказ не для своих. Руки тряслись до самой двери».

Моя «красота» висела третьим комментарием.

Я написала ей в личные сообщения: «Завтра можно с тобой отнести торт? Я могу коробку держать».

Сообщение оставалось непрочитанным. Я поставила будильник на девять, убрала телефон и потянула одеяло выше.

Экран загорелся через минуту.

«Только ровно. Он двухъярусный».

Глава 4

Условия показа

Коробку с тортом Соня доверила мне только после того, как я прошла проверку на её кухне.

— Не за бока. Снизу.

Я перехватила коробку.

— Вот так. И к себе не наклоняй.

— Я поняла.

— Это ты сейчас поняла. А потом телефон зазвонит.

Я вытащила телефон из кармана и положила на стол экраном вниз.

Соня осмотрела коробку, будто за эти несколько секунд я уже успела что-нибудь испортить, и отдала мне. Через прозрачное окошко была видна верхушка: белые завитки крема, красная цифра пять. По нижнему ярусу шли маленькие клубничные половинки. Одну Соня поправила пинцетом перед самым выходом.

Её мама окликнула нас из комнаты:

— Сонь, деньги пересчитай!

— Мам!

— А что мам? В прошлый раз на двести рублей обсчиталась.

Соня надела сандалии и открыла дверь.

— Теперь ты знаешь мою деловую репутацию, — сказала она мне.

Мы несли торт по очереди. Сначала я, потом Соня, потом снова я, потому что у неё затекали пальцы. На дороге каждую выбоину приходилось замечать заранее. У поворота к школе навстречу выехал велосипедист; Соня выставила руку, останавливая его так решительно, что он слез с велосипеда.

— Привет, — сказал он. — А мне?

— На день рождения закажешь.

Он посмотрел на меня, снова на торт.

— А, здрасте.

— Пока, — сказала Соня.

Заказчица ждала нас возле нового дома с незаконченной облицовкой. В траве валялся детский самокат, дверь была подпёрта ведром. Женщина вышла в носках, посмотрела в окошко коробки и позвала мужа.

— Смотри, как сделали!

Соня выпрямилась. Я подержала торт, пока она объясняла, как снимать верхний ярус и где внутри опоры. Женщина слушала внимательно, кивала и всё пыталась угостить нас чаем. Из дома доносился детский плач. Кто-то требовал красную ложку.

— Мы побежим, — сказала Соня. — В холодильник его поставьте, пожалуйста.

На обратной дороге она пересчитала деньги, сложила купюры отдельно от мелочи и убрала в карман сумки на молнии.

— Сколько времени ты его делала? — спросила я.

Она начала считать по вечерам. На бисквиты ушёл один, на начинку другой, потом покрытие, украшения. Пока она рассказывала, я пыталась прикинуть, сколько здесь остаётся после продуктов.

— А почему так дёшево?

Соня посмотрела на меня.

— Если дорого, в городе купят. Там доставка приезжает.

— Но у тебя же…

— Варя. Я сама подниму. Когда пойму, сколько будут брать.

Я кивнула.

На речку мы не пошли. Соня хотела домой, смыть крем с насадок, а я вспомнила, что обещала созвониться с электриком. Мы договорились списаться вечером. У магазина она остановила меня и вытянула из моих волос длинную белую нитку.

— От коробки. Так и ходила.

— Ты могла раньше сказать.

— Я раньше торт несла.

К дому я вернулась к полудню. Задняя дверь была закрыта, на коврике стоял ящик с инструментами. Матвей работал снаружи возле кухонного окна. Нижнюю петлю он уже снял, а створку подпёр обрезком доски.

Я остановилась у крыльца.

— Ты давно?

— Минут двадцать. В дом не заходил.

— Я не проверяю. Спросила просто.

Он повернул голову. В уголке рта у него торчал карандаш.

Я посмотрела на раму.

— Всё плохо?

Матвей вытащил карандаш.

— Можно закрепить. Старые отверстия разбило. Дерево здесь пока живое.

Он провёл ногтем по трещине, показал мне.

— А это?

— Подклею. И до завтра не открывай. Даже если очень захочется помыть.

Я прислонилась к перилам.

— Откуда ты знаешь?

— Видно, что мыто.

На подоконнике лежали вынутые винты, рядом — маленький флакон. Матвей вернул карандаш за ухо, продолжил работать. Я постояла, чувствуя себя человеком, который заглядывает через плечо.

— Сколько с меня?

— Закончу, скажу.

Я ушла звонить Сергею. Он мог приехать вечером. Спросил про розетку, потом про щиток, и я так долго искала щиток в прихожей, что он предложил просто дождаться его.

Остаток дня ушёл на вещи. Ковёр со стены я сняла, свернула и поставила в угол. Под ним обои были темнее, на месте креплений остались четыре дырки. Я несколько минут смотрела на них, потом переставила кровать обратно. Без ковра комната стала похожа на временное жильё, которое я нашла в чужом объявлении.

На кухонном окне Матвей оставил бумажку: «Не открывать до завтра. После 12». Ниже написал сумму за материалы и работу. Я перевела деньги. Он прислал: «Пришли».

Электрик приехал после семи. Исправил розетку, проверил ещё две, попросил чай без сахара. Пока пил, рассказал, где покупать новые рамки, если захочу менять все сразу. Я записала название магазина и стоимость. Список в блокноте рос быстрее, чем исчезали пункты.

Утром в четверг я проснулась до будильника.

В десять сорок всё уже было готово. Документы лежали на столе, пол в прихожей высох, на крыльце не осталось ни одного пакета с вещами. Я надела льняную рубашку, застегнула, расстегнула верхнюю пуговицу. Убрала с кухни чашку, которую через минуту пришлось искать, чтобы допить кофе.

Матвею написала: «В одиннадцать. Помнишь?»

Он ответил фотографией часов в мастерской. Без подписи.

Я убрала телефон.

Леонид приехал в одиннадцать восемь. Из машины вышел невысокий мужчина в светлой рубашке. Багажник открывать не стал, только достал с заднего сиденья папку и рулетку. На ботинках у него уже была пыль.

— Варвара? Добрый день.

Он пожал мне руку, оглянулся на дорогу.

— Удобный подъезд. Зимой чистят?

— Да. По крайней мере раньше чистили.

— Спрошу ещё у соседей. Пойдёмте.

У ворот он остановился, посмотрел на расстояние между столбами. Попросил подержать конец рулетки. Я прижала металлический язычок к столбу, Леонид отошёл к другому.

— Три двадцать. Запишем.

Я решила, что он проверяет, войдёт ли машина. Но во дворе он измерил и расстояние от дома до забора.

— Участок по границам показывали? — спросил он.

— Вот план.

Он взял лист, посмотрел на дальний угол.

— Там за яблонями сетка идёт?

— Да.

— А дальше уже соседское?

Я кивнула.

В дом Леонид вошёл, наклонив голову под дверным косяком, хотя роста ему хватало. Чехлы на обувь я не предлагала. Он тщательно вытер подошвы о коврик.

Я начала с кухни: вода, газовая плита от баллона, окно, которое только что починили. Леонид слушал, но вопросы задавал про другое.

— Вода своя или общая?

— Общая.

— Напор летом падает?

— Пока не заметила.

— Вы же только приехали.

— Да.

Я замолчала. Он записал что-то в телефон.

В комнате без ковра Леонид даже не остановился. Заглянул в угол, где виднелась печь, сфотографировал потолок. Я успела сказать, что зимой мама приезжала, проверяла крышу. Он кивнул и спросил, когда перекрывали.

Этого я не знала.

На веранде он нажал ладонью на подоконник. Потом присел у нижней части стены.

— Вот это нужно будет смотреть, — сказал он.

Я тоже присела. Под краской шла выпуклая полоска.

— Вы можете прислать специалиста.

— Если договоримся по основному, конечно.

Мы вышли во двор. Мне хотелось показать яблони. Сказать, что одна поздняя, с красным боком, а у второй яблоки маленькие, зато очень сладкие. Я даже помнила, какая из них какая. Но Леонид уже шёл к мастерской.

Матвей открыл до того, как мы подошли. На нём была чистая тёмная футболка. Он снял наушники и повесил на гвоздь у двери.

— Добрый день.

— Здравствуйте. Леонид.

Они пожали руки.

Леонид осмотрел стены, поднял голову к балкам. Матвей отошёл, чтобы не мешать.

— Сколько здесь квадратов?

Я назвала цифру из документа.

— Электричество отдельно?

— Счётчик отдельный, ввод от дома, — ответил Матвей.

Леонид посмотрел на серую коробку.

— Понятно. А оборудование ваше?

— Моё.

— Всё?

— Кроме верстака. И шкафа.

Я впервые посмотрела на верстак как на вещь, которая останется после продажи. У края темнело пятно от краски. Я помнила это пятно, но не помнила, как оно появилось.

— У вас договор до конца августа, верно?

— До тридцать первого, — сказал Матвей.

— Да, видел. Спасибо.

Леонид больше его ни о чём не спросил. Мы вышли к яблоне. Солнечные пятна двигались по папке у меня в руках. Я придержала её локтем, чтобы достать телефон: мама уже дважды написала «Ну как?».

— Давайте здесь, — предложил Леонид, заметив скамейку.

Я села на целую сторону. Он остался стоять, листая записи.

— Дом требует вложений. Вы сами видите.

— Мы учитывали это в цене.

Он назвал сумму. Ниже той, на которую мы с мамой рассчитывали, но ненамного. Я повторила её вслух, чтобы не перепутать цифры.

— Это предварительно, — сказал Леонид. — После проверки документов и состояния. Мне нужен объект целиком. Без вещей, без действующей мастерской на момент передачи.

Я посмотрела на закрытые теперь двери.

— До конца августа аренда.

— Знаю. Поэтому и обсуждаем сейчас. Сможете договориться о более раннем выезде?

— Насколько раннем?

— Если с документами всё в порядке, я бы в июле закончил. Точную дату пока не называю. Тут от вас тоже зависит.

В кармане снова завибрировал телефон.

— У меня есть ещё просмотры, — сказала я.

Это было неправдой. Были сообщения в объявлении, которое мама разместила весной: «Торг?» и «Обмен на авто?». Ещё один человек спрашивал про реку и пропал.

— Конечно, смотрите, — согласился Леонид. — Я не прошу сейчас решать. Цена у меня с учётом того, что передаёте свободным. Чужое оборудование вывозить я не буду и с арендатором разбираться тоже. Это ваша договорённость.

Я провела пальцем по краю папки. Пластик оставил на коже тонкую белую черту.

— Думаю, мы решим этот вопрос.

Леонид поднял глаза.

— Хорошо. Тогда я пришлю список, что ещё нужно посмотреть. Вы пока уточните сроки у молодого человека. До выходных будете понимать?

— Постараюсь.

— И не вкладывайтесь сейчас в отделку. Это вам никто отдельно не оплатит.

Я вспомнила четыре дырки от ковра, чистое окно и деньги, которые вчера перевела Матвею.

— Вы сами здесь жить собираетесь? — спросила я.

Леонид убрал телефон в карман.

— У меня несколько объектов под аренду. Здесь место хорошее. Тихо, от города недалеко.

— То есть дом для гостей?

— Возможно. Возможно, новое строение. Зависит от расчётов. Я пока ничего вам не обещаю.

Он сказал это обычным голосом, без нажима. Я кивнула, будто речь шла о чужом участке.

У калитки Леонид ещё раз посмотрел вдоль улицы. Спросил, не знаю ли я, продаётся ли пустой дом через два двора. Я не знала. Он попрощался, сел в машину и прежде, чем уехать, несколько минут разговаривал по телефону.

Я стояла за воротами и ждала, пока машина исчезнет за поворотом. Потом вернулась на скамейку.

Маме отправила сумму и условия. Она позвонила сразу.

— Вполне нормально, — сказала она. — Можно ещё поторговаться, но не сильно.

— Он может снести дом.

На другом конце стало тихо.

— Он тебе так сказал?

— Сказал, может, новое построит.

Мама выдохнула.

— Варь, после продажи это будет его дом. Его участок.

— Я понимаю.

— Если ты хочешь, чтобы покупатель жил точно так же, как бабушка, мы его не найдём.

Я наклонилась, сняла с сандалии прилипший листок.

— Мне просто раньше не приходило в голову.

Мама помолчала.

— Мне тоже сначала, — сказала она. — Когда агент спросил, что из построек можно убирать. Но мы же решили.

Я сжала телефон сильнее.

— Матвею нужно раньше съехать.

— Поговори с ним. Узнай, что ему нужно. Переезд оплатим, если в разумных пределах.

— Он не только вещи перевозит. Ему помещение нужно.

— Тогда пусть ищет. Ты же не завтра просишь.

Из мастерской донёсся короткий металлический стук. Я подняла голову.

— Я поговорю.

— Только сразу. Не оставляй на последний день.

После звонка я ещё немного посидела. В списке расходов на переезд стояли залог за комнату, первый месяц, билеты, вещи, которые я собиралась купить уже там. Сумма Леонида всё это покрывала. Оставалось даже на несколько месяцев, если найти подработку не сразу.

Я закрыла заметку.

Матвей вышел с пустым ведром и направился к крану у забора.

— Как прошло? — спросил он.

— Пока думает.

Я встала. Папка с документами соскользнула со скамейки, я поймала её у самого края.

Матвей открыл кран. Струя ударила в дно ведра.

— Про аренду он помнит.

— Да.

— Хорошо.

Он стоял ко мне вполоборота и смотрел, как набирается вода.

— Ему нужен пустой участок, — сказала я.

Матвей повернул голову.

— Когда?

Я посмотрела на его руку на кране. На костяшке засохла белая капля клея.

— Он предлагает закончить в июле. Если всё сойдётся.

Матвей выключил воду. Ведро было наполнено наполовину.

— Я же сказал тебе. У меня до конца августа.

— Я знаю. Поэтому спрашиваю, можно ли…

— Можно ли найти помещение за месяц?

— За полтора. Сейчас начало июня.

Он выпрямился.

— Варя.

Я не дала ему продолжить.

— Давай хотя бы посмотрим варианты. Я могу помочь. И переезд оплатить. Не из твоей аренды, отдельно.

— А если не найду?

— Тогда будем решать.

Матвей поднял ведро.

— Когда найдём, тогда и решим. До этого я ничего обещать не буду.

Он прошёл мимо меня к мастерской. Я осталась возле крана. Из носика сорвалась капля, потом ещё одна.

Телефон завибрировал. Леонид прислал список документов. Внизу дописал: «По освобождению, как обсуждали, сообщите отдельно».

Я набрала: «Пока не могу подтвердить досрочное освобождение мастерской. Договор аренды действует до тридцать первого августа».

Отправила сообщение и положила телефон поверх папки. Разговор с Матвеем на этом не закончился, но Леониду я уже не могла обещать чужое согласие.

Глава 5

До конца августа

К вечеру у меня было четыре номера телефонов и ни одного помещения.

Первый мужчина сдавал гараж, в который нельзя было въехать: дорогу к нему перекопали. Второй готов был пустить Матвея в бывший коровник вместе с коровами. Он так и сказал: «Они у меня спокойные». По третьему номеру ответила женщина, которая ничего не сдавала, зато долго выясняла, кто дал её телефон.

Четвёртый не отвечал.

Я отложила блокнот и потянулась. На кухне стало прохладно, но открывать починенное окно всё равно не хотелось, хотя двенадцать часов давно прошло. Я посмотрела на бумажку Матвея и сняла её. Скотч отошёл с тонкой полоской краски.

У мастерской остановилась машина. Илья выбрался из-за руля, открыл заднюю дверь и потянул на себя что-то большое, завёрнутое в одеяло. Матвей вышел ему навстречу.

Я взяла блокнот.

— Пока не ставь, — говорил Матвей. — Левее бери.

— Тут твой шкаф.

— Вижу. Левее шкафа.

Они двигались боком. Под одеялом проступали ножки стола. Илья шёл вперёд спиной и пытался заглянуть через плечо.

— Горожанка, подержи дверь, а?

Я подняла голову. Он смотрел на меня.

— У неё имя есть, — сказал Матвей.

— Знаю. Варвара. Дверь, пожалуйста.

Я подхватила створку, которую тянуло закрыться. Стол проплыл мимо, задев одеялом косяк. Внутри что-то звякнуло.

— Это не мы, — сразу сказал Илья.

— Это ты струбцину задел.

— Но не столом.

Они поставили стол на подпорки. Матвей снял одеяло. На боку столешницы виднелась длинная царапина, одна ножка была светлее остальных.

Я открыла блокнот.

— Есть гараж на Заречной. Ты звонил?

Матвей перестал расправлять одеяло.

— Ворота синие?

— Не знаю. Хозяин Николай.

— Дорога перекопана.

— Он сказал.

— И крыша течёт, — добавил Илья. — Я там машину ставил. Потом на сиденье плесень отмывал.

Я перечеркнула номер ещё раз.

— А возле фермы?

— С коровами? — спросил Матвей.

Илья засмеялся.

Я закрыла блокнот.

— Ты мог предупредить, что уже звонил.

— Ты не спрашивала, куда звонил я.

Он сказал это без раздражения, но мне захотелось немедленно уйти.

Илья посмотрел на нас и взял одеяло.

— Я в машину кину. Матюх, ремень потом заберу.

Матвей подождал, пока он отойдёт.

— Варя, я объявления смотрю с марта. Ты за вечер не найдёшь.

— Я не обещала за вечер.

— Хорошо. И мне за вечер не обещай.

Я разжала пальцы. На краю обложки осталась влажная отметина.

— Давай список сделаем. Где ты уже был. Чтобы по второму кругу не звонить.

Матвей потёр щёку тыльной стороной ладони.

— Давай завтра. Сейчас этот посмотреть надо. Хозяин ждёт, сколько ремонт выйдет.

Я посмотрела на стол. На таком свободно поместилась бы половина моей городской комнаты.

— Его сюда заказывали?

— В смысле?

— Откуда привезли?

— Из посёлка. Соседнего.

— Там тоже негде?

Он посмотрел на меня, потом медленно выдохнул носом.

— Завтра, Варя.

Я кивнула и вышла.

Илья закрыл заднюю дверь машины и прислонился к ней бедром.

— Не бери коровник. Даже спокойных.

— Уже вычеркнула.

— Молодец. А почему такая срочность? Покупатель торопит?

Я пожала плечами.

— У него условия.

— У всех условия.

Илья поднял с земли ремень. Секунду смотрел на него, потом постучал кулаком по раскрытой двери мастерской.

— Нашёл! Он у меня под ногами лежал.

Мне он больше ничего не сказал.

В доме я сфотографировала документы для Леонида. Некоторые листы пришлось переснимать по три раза: сверху падала тень от руки, снизу отражалась лампа. Сумму его предложения я перенесла в заметку с расходами. Раньше там стояло круглое число, выбранное мамой. Теперь цифры стали неровными, зато настоящими.

Соня позвонила, когда я считала остаток.

— В субботу на речку идём. Придёшь?

— Кто?

— Я, Илья, Лера. Может, ещё кто. К шести, я после смены.

— Купаться?

— Нет, воду обсуждать. Конечно купаться. Если погода не испортится.

Я подвинула блокнот.

— Наверное. У меня пока…

— Варя, скажи да или нет. Мне за тобой заходить?

— Да. Заходи.

— Вот. Уже лучше.

Я положила телефон и вписала «Соня, речка» в субботу. Между «убрать веранду» и «дослать Леониду».

Утром Матвей пришёл в половине девятого. Я сидела на крыльце с кофе и листала местные объявления. Он остановился у яблони, посмотрел на кружку.

— Не спишь?

— Сижу с открытыми глазами. Почти то же самое.

— К девяти договаривались?

— Про завтра. Не про девять.

Он достал телефон, проверил что-то и убрал.

— Ладно. Я пока у себя.

— Подожди. Я уже встала.

Я отставила кружку на перила и поднялась. На доске остался мокрый круг; я машинально стёрла его рукавом и тут же об этом пожалела.

— Давай здесь. Только подожди минуту.

В кухне я натянула джинсы, сунула ноги в кеды и взяла блокнот. Матвей успел принести из мастерской складной стул. Поставил его у скамейки и сел. Я устроилась напротив.

Он продиктовал адреса. Оказалось, два помещения ему показывали без объявления: одно использовали как склад, во втором хозяин решил поселить сына. Ещё была пустая котельная на краю села. Матвей ездил туда в апреле, но собственник пропал.

Я записала имя и телефон.

— Можно мне попробовать?

— Можно. Только там ремонт дороже, чем кажется.

— Сначала узнаю, отвечает ли.

Мы замолчали. Матвей рассматривал свою ладонь, отдирая крошечную щепку. Я перевернула страницу.

— Леонид просит до выходных сказать про сроки.

Он поднял голову.

— Что ты уже сказала?

— Что уточню.

— А на просмотре?

Я посмотрела на край кружки.

— Что вопрос решаемый.

Матвей убрал руку с колена.

— То есть решишь его ты, а выехать должен я.

— Я не сказала, что ты точно выедешь.

— Тогда так ему и напиши.

Я взяла телефон.

— Сейчас?

— А потом зачем?

Мне хотелось возразить хотя бы на этот тон. Я открыла переписку и набрала: «Раннее освобождение мастерской пока не согласовано. Поиск другого помещения идёт, подтвердить июль не могу».

Прочитала ещё раз. Слово «пока» убрала, потом вернула.

Отправила.

— Написала.

Матвей кивнул. В экран не заглядывал.

Я положила телефон рядом с блокнотом.

— Это не значит, что я перестану искать.

— Я и не прошу перестать.

Он наклонился, поднял с земли осколок зелёной пластмассы и покрутил в пальцах. От чего он был, я не поняла.

— Мне здесь работать, — сказал Матвей. — Я не могу каждый вечер думать, что завтра придёт человек с ключами и скажет грузить станок.

— Я не собиралась…

— Я понял. Давай договоримся, как будет.

Я придвинула к себе блокнот.

— До тридцать первого августа ты здесь. Если найдётся место раньше — обсуждаем. Вместе. Я оплачиваю перевозку, если договоримся о раннем переезде. Дату никому без тебя не называю.

Матвей подождал, пока я допишу.

— А если не найдётся — до конца договора. Без «потом решим».

Ручка остановилась.

До конца августа оставалось почти три месяца. В моём блокноте под сроком аренды теперь стояла пустая строка: «Дата передачи покупателю». Заполнять её было рано.

— Хорошо, — сказала я.

Он перестал крутить обломок.

— Хорошо.

Я обвела дату и закрыла блокнот. Матвей поднялся, сложил стул, но не унёс.

— Ты ступеньку хочешь менять?

— Хочу. Только у меня уже расходы…

— Я не сейчас спрашиваю заплатить. Вообще хочешь?

Я кивнула.

— И водосток. Соня сказала, под дверь натекает.

Он посмотрел на крыльцо.

— Здесь минут на сорок. Если доска под ним целая.

— А если нет?

— Тогда дольше.

Я открыла блокнот снова.

— Ты можешь список посмотреть? Сказать, что обязательно, а что пока оставить. Я за это заплачу. И за работу. Ты за окно взял меньше, чем электрик за одну розетку.

— Окно было проще.

— Мне всё равно нужно понимать сумму заранее.

Матвей поставил стул обратно.

За следующие полчаса мы обошли дом. Он не стал расшатывать всё подряд, как Леонид: смотрел, иногда нажимал ладонью, спрашивал, что я уже трогала. У водостока поднял отвалившееся крепление. Возле веранды долго проверял нижнюю доску.

— Вот это человеку показать надо, — сказал он.

— Какому?

— Кто с домами работает. Я мебель делаю, не буду тебе обещать за фундамент.

Я записала ещё один пункт.

— Леонид специалиста пришлёт.

— Пусть пришлёт.

Краску на перилах Матвей предложил пока не трогать, потом заметил, как я держусь за них через рукав, и передумал.

— Можно зачистить. Красить целиком необязательно.

— Я сама могу?

— Руками — можешь. Покажу.

На крыльце он взял у меня ручку и дописал напротив каждого пункта, сколько нужно материалов. Работу посчитал отдельно. Внизу вывел общий итог.

Я прикинула свои деньги на карте. На поездку мама перевела с запасом, но запас я уже успела мысленно потратить на другие вещи.

— Давай пока ступеньку и водосток, — сказала я. — А перила я сама.

— В субботу утром могу. Сегодня стол надо доделать к примерке.

— Хорошо.

— Материалы вместе купим? Чтобы ты видела, сколько стоят.

Я посмотрела на него.

— Я не думаю, что ты меня обманешь.

— Тогда просто купим.

Он вернул ручку. На корпусе остался след от пальца. Я протёрла его ладонью и сунула в пружину блокнота.

Матвей забрал складной стул.

— За перила сразу не берись. Занозы.

— Я умею надевать перчатки.

Он приподнял брови, посмотрев на мои голые руки. Я спрятала их в карманы.

— Куплю, — добавила я.

Когда он ушёл, пришёл ответ Леонида: «Понял. По документам проверку продолжаем. Если сроки изменятся, сообщите».

Я переслала сообщение маме вместе с фотографией списка. Она перезвонила только через час. К этому времени я уже нашла номер владельца котельной в другом объявлении и узнала, что сдавать он будет после осени.

— А почему именно до конца августа? — спросила мама.

— Потому что у него договор.

— Я помню договор. Ты же хотела…

— Я хотела раньше. Пока не получается.

За окном Матвей нёс доску от мастерской к воротам. Я следила, как он повернул её между ветками, ни одной не задев.

— Не пойму, зачем тогда сейчас ремонтировать, — сказала мама. — Если тот покупатель всё перестраивать собирается.

— Я по этим ступеням хожу. И вода под дверь течёт.

— Хорошо. По чекам только сохраняй.

Она попросила прислать ещё выписку. Я сказала, что пришлю, когда вернусь к столу.

На веранде лежала стопка пустых коробок. Я начала с самой большой: вытряхнула пыль, расправила дно. Отверстие в углу заклеила скотчем. Потом взяла две маленькие, чтобы собирать вещи из шкафа.

Верхняя полка была занята чашками. В бабушкиной жёлтой чашке хранились пакетики с семенами и половинка деревянной прищепки. Я поставила её на стол, вытащила всё и ополоснула.

Кружку, которую привезла из города, убрала в шкаф. Жёлтую оставила возле чайника.

После обеда на объявление написала женщина по имени Елена. Спрашивала про автобус до районного центра и можно ли жить зимой.

Я посмотрела на список ремонта. Про отопление знала только то, что в детстве бабушка велела не подходить к горячей печке.

«Можно. Но я сама зимой здесь не жила», — ответила я.

Женщина прислала номер. Я позвонила.

Она говорила негромко, иногда прикрывала микрофон ладонью. На заднем плане кто-то стучал посудой.

— Простите, я на работе. У нас сейчас перерыв. Вы скажите, остановка далеко?

— Если на центральной выйти, минут десять. Есть ещё одна, с неё дольше.

— Это хорошо. Я без машины. Сын водит, но ему каждый день меня возить неудобно.

Она попросила объяснить дорогу от магазина. Я открыла карту и называла повороты, проверяя, ничего ли не перепутала. Елена повторяла за мной, записывая.

— У вас в объявлении август стоит. Это когда освободите?

Я нашла мамино объявление. В самом низу после телефона было написано: «Передача по договорённости, возможно к концу лета». Я раньше эту строчку пропустила.

— Дом раньше можем, — сказала я. — Но в мастерской арендатор до конца августа.

— Он живёт там?

— Нет. Мебель ремонтирует.

— А шумно?

Я посмотрела на окно. Снаружи было тихо.

— Бывает. Днём. Сейчас вот нет.

Елена засмеялась.

— Ну, я же тоже не весь день дома. А в мастерской потом можно хранить вещи? У нас в квартире кладовки нет, всё на балконе.

— Можно.

Она спросила, не отсыревает ли дом. Я рассказала про воду у задней двери и сказала, что Матвей собирается посмотреть крепление водостока в субботу. Будет ли этого достаточно, я ещё не знала.

— Ой, вы мне всё сразу выкладываете, — сказала Елена.

Я сжала край подоконника.

— Лучше на месте покажу. Там ещё есть, что смотреть.

— Конечно. Только мы сейчас не приедем. Сын по выходным работает, а одна я в ваших поворотах запутаюсь. Можно я через неделю наберу?

— Можно.

— И цена у вас ещё не последняя?

Я назвала ту, которую мы обсуждали с мамой. Елена замолчала, потом спросила, возможна ли небольшая рассрочка на часть суммы.

Я не знала. Сказала, что подумаю.

— Вы не держите ради нас, — предупредила она. — Мы ещё свою квартиру не выставили. Просто сын всё говорит, давай сначала посмотрим, куда вообще переезжать.

В коридоре возле неё кто-то позвал: «Лена, приёмка!» Она быстро попрощалась.

Я сохранила номер. Потом написала маме: «Есть ещё женщина, Елена. Смотрит с сыном. Могут приехать через неделю».

О рассрочке я пока ничего не обещала. Если Елена действительно решит покупать, условия оплаты придётся обсуждать отдельно и письменно. Вечером я добавила этот вопрос в список для мамы — рядом с датой передачи мастерской.

Мама ответила: «Пока квартиру не продали, это просто разговор».

Я всё равно внесла Елену в блокнот. Сбоку приписала: «Автобус. Август подходит». Номер не перечёркивала.

Телефон ещё оставался у меня в руке. Я открыла объявление и исправила фразу про мастерскую: указала срок аренды отдельной строкой. Потом перечитала остальное. Слова «идеальное состояние» там не было. Хорошо, что мама тоже не решилась его написать.

На кухне чайник давно остыл. Я налила в него воды, включила и пошла искать коробку для посуды.

Вечером Матвей прислал фотографию рабочих перчаток на стеллаже магазина.

«Размер?»

Я посмотрела на свою ладонь.

«S, если есть».

Он ответил не сразу.

«Возьму две пары. На всякий случай».

Я положила телефон и достала из-под сумки шляпу. Розовый платок на ней смялся. Я расправила его, повесила шляпу на гвоздь возле двери и поставила будильник на половину восьмого.

Глава 6

Пыль на розовом

Перчатки мне подошли обе пары. В одной я могла сгибать пальцы, в другой — ещё и удерживать между ними телефон. Матвей посоветовал первые.

— Вторые на вырост?

— Вторые вернуть можно. Не снимай этикетку.

Мы только что вернулись из магазина. Матвей положил чек в мой блокнот и поставил у крыльца пакет с крепежом. Из машины Ильи торчала доска. Сам Илья пил кофе из бумажного стакана и выглядел человеком, которого подняли слишком рано.

— Магазин работает с восьми, — сказал он мне. — А я с десяти.

— Ты сам вчера предложил подвезти, — напомнил Матвей.

— Я вчера был другой человек.

Я вынесла ему из дома два последних куска Сониного пирога. Он выбрал больший, второй взял тоже.

— Так лучше, — сказал он с набитым ртом.

Пока они разгружали доску, я сходила переодеться. На улице уже пригревало. Я выбрала розовую хлопковую рубашку, старые джинсовые шорты и собрала волосы. Красивое платье висело на дверце шкафа, слишком длинное для ступенек и пыли. Зато шляпу я надела: на крыльце тени почти не было.

Матвей вытащил из ящика рулетку и оглянулся.

— Платок убери.

— Зачем?

— Свисает. Здесь за всё цепляться будет.

Я развязала розовый платок, сложила и сунула в карман.

Илья проводил его взглядом.

— Это ты зря. Было торжественно.

Матвей протянул ему кофейный стакан, который тот оставил на ступеньке.

— Ты ехать собирался.

— Уже еду.

Он забрал стакан и прихватил пакет от пирога. Перед тем как закрыть дверь машины, напомнил про вечер. Матвей сказал, что не знает, успеет ли.

Я посмотрела в сторону дороги.

— Вы тоже на речку?

— Все на речку, — ответил Илья. — Жара же. Ты там ровное место займи, мы стулья привезём.

Машина уехала. Я осталась в перчатках посреди двора.

Матвей обошёл крыльцо, положил инструменты с теневой стороны.

— Начнём со ступени. Я сниму, ты пока у перил ничего не трогай. Снизу пыль полетит.

Я присела на корточки напротив него. Он завёл металлический инструмент под край доски и потянул. Доска приподнялась вместе с длинным ржавым гвоздём. Второй гвоздь не шёл.

Матвей перехватился.

— Лучше отойди подальше.

Я встала.

— То есть я пока просто стою.

— Можешь коробку принести. С гвоздями эту не клади в траву.

Я нашла на веранде коробку, которую приготовила вчера для чашек, и поставила рядом. Матвей вынул ступень целиком. Под ней лежали два сухих листа, обёртка от карамели и почерневшая прищепка.

Он проверил опоры. Надавил инструментом с одного края, потом с другого.

— Эти держатся.

— А та могла провалиться?

— Кусок отломился. Остальное тоже не новое.

Он положил ступень в коробку гвоздями внутрь. Я услышала, как картон хрустнул под остриём, и отодвинула коробку к стене.

Новая доска была длиннее, чем нужно. Матвей приложил к ней снятую, сделал отметки. Попросил подержать край рулетки. Я прижала его большим пальцем. Он посмотрел, поправил на несколько миллиметров.

— Тут от края.

— Я от края и держу.

— Вот этот загиб должен зацепиться.

Он показал. Я повторила. На этот раз Матвей ничего не поправил.

Пилить унёс к мастерской. Оттуда донёсся короткий визг, потом ещё один. Я стояла у разобранного крыльца, пока не поняла, что тоже могу кое-что сделать: собрала листья из-под ступеней, подмела песок.

Матвей вернулся с заготовкой. Увидел совок, кивнул.

— Спасибо. Под низ не лезла?

— Только веником.

Он примерил доску. Правый край лёг плотно, левый чуть выступал. Матвей выругался себе под нос.

Я присела рядом.

— Криво?

Он перевернул старую ступень, посмотрел на разметку новой.

— С другого края отмерил.

— Ты?

Матвей посмотрел на меня.

— Нет, человек, который здесь до меня стоял.

Я прикрыла рот ладонью. Перчатка пахла резиной.

— Там снять немного, — добавил он.

Я попыталась выпрямить лицо. Не получилось.

— Смейся, — разрешил Матвей. — Я тоже буду, когда ты перила начнёшь.

— Я вообще-то не собираюсь ошибаться.

Он забрал доску и пошёл обратно.

На этот раз она встала ровно. Матвей закрепил её, убрал инструменты и предложил мне проверить. Я осторожно перенесла вес на носок. Доска не двигалась.

— Можно целиком, — сказал он.

Я поднялась и спустилась. Потом ещё раз.

Светлое дерево выделялось среди серых ступенек. Я отступила посмотреть.

— Теперь остальные выглядят плохо.

— С другими сегодня не успеем.

— Я не прошу. Просто раньше не замечала.

Он убрал рулетку в ящик.

Для перил Матвей принёс два деревянных бруска, шлифовальную бумагу и очки. Одни очки были совсем новые. Он протянул их мне.

— Твои не подойдут. Эти закрытые.

Я надела. Они сразу съехали к кончику носа.

Матвей показал, где подтянуть резинку. Я затянула слишком сильно, ослабила. Теперь держалось.

— До гладкого дерева не сдирай всё, — сказал он. — Снять, что отходит. Вот здесь сначала.

Он провёл бруском по верхней планке. Шуршание получилось короткое, ровное. Несколько чешуек краски упали на расстеленную плёнку.

Я взяла брусок.

— Сильно не дави, — добавил он и ушёл разбирать водосток.

Минут через пять у меня заболела кисть. Я поменяла хват, надавила сильнее. Брусок сорвался, я стукнула им по стойке.

Матвей обернулся, но ничего не сказал.

Я попробовала ещё раз. Шляпа мешала наклоняться, очки запотевали, на розовый рукав ложилась серая пыль. Краска отходила медленно, словно кто-то когда-то приклеил её из личной неприязни ко мне.

— У тебя бумага уже забилась, — сказал Матвей.

Я подняла брусок.

— И что?

Он спустился с лестницы, показал, как выбить пыль. Потом дал новую полоску.

— Перестань воевать с деревом. Оно старое.

— Я с краской.

— Ей тоже достаётся.

Я расстегнула рукава и закатала выше локтей. Матвей протянул мне бутылку воды, вторую открыл себе.

— Перерыв.

Я села на новую ступеньку и потянула резинку очков. На лбу осталась глубокая полоса.

Матвей смотрел на воду, пока пил. Шея у него была загорелой, а под воротником начиналась светлая кожа. Я заметила это и стала разглядывать перчатки.

— У тебя клиент сегодня будет? — спросила я.

— После трёх. За стулом.

— Значит, до трёх надо закончить?

— Водосток закончим раньше. Перила можешь неделю тереть.

Я вытянула руку, покрутила кистью.

— Спасибо за веру.

— Можно до следующего лета. Ты хозяйка.

Я рассмеялась. Матвей повернул голову, будто хотел убедиться, что я не обиделась.

Во дворе заскрипела калитка. Тётя Нина остановилась за ней, не заходя.

— Не рано вы ремонт затеяли?

Было начало одиннадцатого.

— Самое время, — сказал Матвей.

— Я не про час. Дожди обещают.

— Поэтому и делаем.

Она посмотрела на поднятый водосток и кивнула.

— Матвей, а дверцу мою…

Он сказал, что петля готова, стекло привезут в понедельник. Тётя Нина спросила, сколько выйдет. Матвей назвал сумму и объяснил, что стекло отдельно, по чеку.

Я потянулась за бутылкой. Кисть гудела, но слушать этот разговор было почему-то неудобно, и я снова надела очки.

Когда соседка ушла, Матвей спросил:

— Ты бумагу в другую сторону завернула?

Я посмотрела на брусок. Рабочая поверхность оказалась внутри. Пока мы отдыхали, я сняла полоску и действительно закрепила её наоборот.

Я подняла голову. Матвей молча ждал.

— Ты обещал смеяться, — напомнила я.

Он закрыл рот тыльной стороной ладони.

— Уже.

Я развернула бумагу, не выдержала и засмеялась тоже.

До обеда мы успели закончить водосток и половину верхней планки. Вторую половину я доделала быстрее, когда перестала пытаться снять всю краску до последней точки. Матвей проверил поверхность ладонью, кое-где показал места, которые я пропустила.

— Здесь заноза останется.

Я обвела место карандашом и посмотрела на него.

— С той стороны отмерять?

Он поднял палец.

— Запомнила. Плохо.

Я вернулась к работе, улыбаясь в очки.

На кухне остались яйца, половина сыра и помидор. Я сварила макароны, порезала помидор, достала хлеб. Из мастерской доносился стук. Матвей успел уйти туда ещё до того, как я допила воду.

Я вышла к нему без тарелки — звать с тарелкой было бы уже как-то слишком.

— Есть будешь?

Он сидел у разобранного кресла. На колене лежала тонкая изогнутая планка.

— Что?

— Макароны. С сыром. Мясо к ним пока в магазине, но так тоже можно.

Матвей поднялся.

— Руки вымою.

Он умывался у крана во дворе, потирая пальцы щёткой. Я поставила вторую тарелку, потом убрала вилку с погнутым зубцом и нашла другую. Почему-то не хотелось, чтобы он заметил именно её.

За столом Матвей сел ближе к двери. Ел быстро, но на добавку согласился. Спросил, не нужны ли мне последние макароны.

— Я ещё сварю. У меня целая пачка.

Он подвинул тарелку.

— Тогда давай.

На кухонном окне больше не было бумажки. Матвей посмотрел на петлю.

— Открывала?

— Вчера. Всё нормально.

Он кивнул и вернулся к еде.

— Бабушка тебе тоже готовила? — спросила я.

Матвей замедлил движение вилкой.

— Бывало. Я продукты ей привозил, она меня супом кормила.

— Ты покупал?

— Она список давала и деньги. По пути заезжал.

Я отрезала корку хлеба.

— Она мне не говорила, что ей тяжело ходить.

— Не всегда тяжело было. Зимой скользко.

Он допил воду. Я накрутила на вилку последние макароны и спохватилась, что не ем, а перекладываю их по тарелке.

— В прошлом мае она сама рассаду таскала, — добавил Матвей. — Я предложил, она не дала. Сказала, я ей корни оторву.

Я подняла глаза.

— Могла.

— Мне полчаса объясняла, как надо держать.

Я улыбнулась, представляя бабушку с растопыренной ладонью под рассадным ящиком.

Матвей собрал тарелки.

— Оставь, я помою, — сказала я.

— Я сполосну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.